

ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Галина Иосифовна Саганенко

профессор, доктор социологических наук,
Социологический институт РАН,
Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: Saganenko.selina@yandex.ru

Наука и образование в российских макро- и микрокоординатах¹ (часть I)²

Проблематика образования относится к сферам, наиболее обсуждаемым в публичном и научном дискурсе российского общества. Образованию не так давно был определен новый статус одного из ключевых игроков социально-экономического развития страны. Наука, хотя и находится совсем рядом с образованием, но от него существенно отстает по параметрам заинтересованности общества, по уделяемому ей вниманию власти. Внимание к науке / образованию можно выявлять на разных уровнях — макро, мезо, микро. Будет представлена попытка последовательной диагностики ситуации — от интенций и заявлений власти высшего уровня до актуальной экспертизы студентов.

Ключевые слова: интеграция, модернизация, реформирование образования; стандартизация, образовательные стандарты; инновации в образовании, науке, экономике; экономика

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке проектов автора Российским гуманитарным научным фондом № 08-03-00578а. 2008–2010. «Социальная реальность в системах российского образования. Адекватность содержания учебного материала и форматов российского обучения характеру современной эпохи и уровню развития современных учащихся» и Российским фондом фундаментальных исследований № 06-06-80441. 2006–2008. «Статус социальной реальности в социологии. Разработка методологических, методических и технологических систем социологического изучения социальных объектов».

² Проблематика образования в российском обществе будет представлена в двух статьях. В первой статье будет дан анализ презентаций проблемы на макроуровне — власть, научное сообщество, публикационная активность. Вторая статья выйдет в следующем номере. В ней будут выявлены проблемы технического образования, его качество через опрос студентов ведущих вузов Санкт-Петербурга

знания; менеджмент качества в вузах; образование для власти, науки, производства, индивидуального успеха; мегагранты и мегапроекты в российской науке / образовании; рефлексивная социология, рефлексивные опросы.

1. Факторы неблагополучия отечественного образования

В российском обществе за последние два десятка лет произошли кардинальные перемены. Изменения затронули все сферы жизни общества — экономику, политику, образование — и все их подсистемы. Еще в 1998 году проф. Ф. Г. Зиятдинова обозначила идею адекватного направления, в котором должна двигаться Россия в сфере образования: «Невозможно прогнозировать развитие образования постсоветского общества без определения перспектив дальнейшего интеграционного процесса в единое мировое образовательное пространство. От исследователей требуется очень тонкое понимание и определение “золотого сечения” соотношения концепции национального образования и постепенного движения к преодолению имеющих место теорий о ментальной несовместимости народов и обществ» (Зиятдинова, 1998: 66–72).

Начиная с перестройки, отечественное образование накапливало новые элементы и расставалось со старыми. Исследователи и аналитики суммировали все большее количество негативов — дискриминацию в доступе к качественному образованию, снижение качества обучения, развивающуюся в образовательных учреждениях коррупцию, коммерциализацию образования, остаточный принцип финансирования, низкий статус учителя / преподавателя в обществе, вялотекущее реформирование.

С 2003 года сфера отечественного образования вступила в полосу кардинальных перемен — Россия стала участником Болонского процесса. Болонский процесс — достаточно новая перспектива для российской действительности. Кардинальные перемены в российском образовании стали запускаться вскоре после того, как в 2003 году в Берлине Россия подписала Болонскую декларацию и тем самым взяла на себя обязательства выполнить условия Болонской реформы. Запущенные в образовании процессы — непростые для понимания и далеко не очевидные, а главное, их образовательные и гуманистические результаты проявятся не очень скоро. Участие субъектов образования в новых процессах и программах во многих случаях является принудительным. По оценкам аналитиков можно сделать вывод, что результаты Болонских реформ во многом окажутся неподвижными. Общее представление о возможных перспективах Болонской реформы в России можно описать так: выйдя из «пункта А» (распровавшись со прежней системой образования), Россия не попадет в «пункт Б» (не освоит новую — систему европейского образования, не окажется в Европе с достойным собственным статусом). Прежде всего, по этой причине важно систематически анализировать процессы модернизации российского образования и в их контексте осмысливать проблемы, связанные со вступлением России в Болонский процесс.

Надо отметить, что российское образование пребывает в состоянии модернизации в течение многих лет. В целом можно сказать, что российские образовательные инновации запускаются сверху волевым путем, оказываются неожиданными для населения и участников образовательного процесса, их настоятельность мало

обсуждается и плохо понимается в обществе. Болонский процесс в этом отношении не является исключением.

Независимый институт социальной политики, решив фундаментально разобраться с проблемами в сфере образования, объявил в начале 2000-х конкурсы, провел исследования и опубликовал два солидных сборника (Высшее образование в России... 2004; Доступность высшего образования в России... 2004). Общественность получила систематизацию аргументов и своего рода руководство к действию. Можно лишь отметить, что наука фактически не упоминалась в тех актуализациях образовательной проблематики.

2. Падение престижа образования и науки

С начала 1990-х высшее образование в стране теряло свой престиж и значимость. На российские эмпирии пришла масса новых занятий, терялась значимость множества некогда престижных профессий. Пробное исследование 1995 года о привлекательности профессий у современных школьников (на примере четырех школ

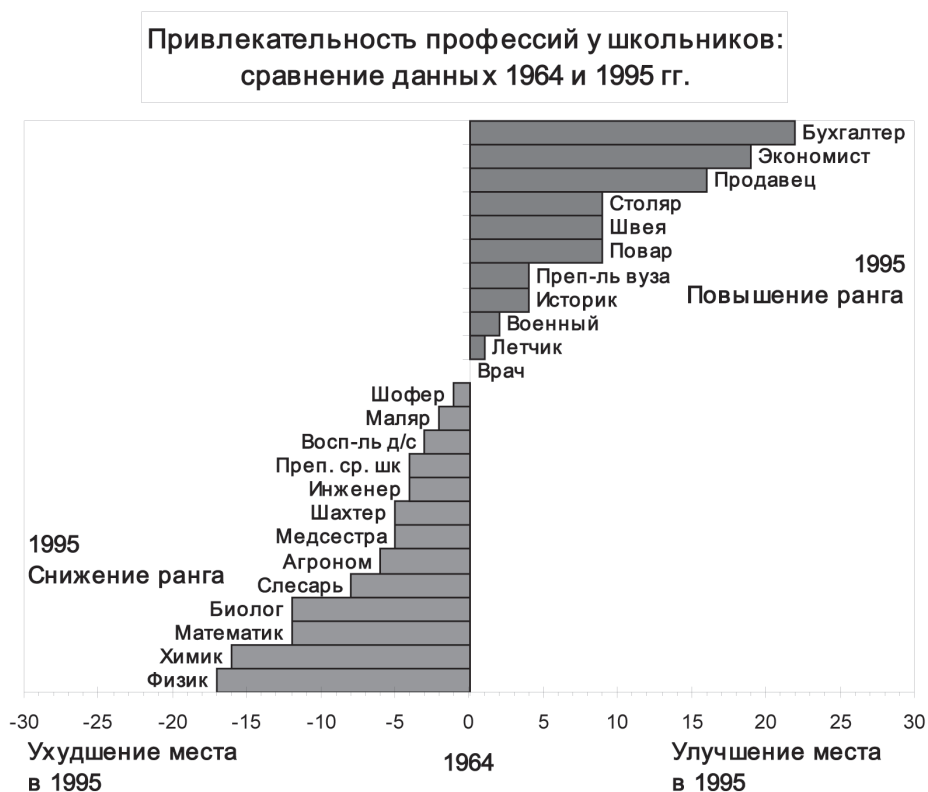

Рис. 1. Диаграмма «потерь» и «приобретений»: выпускники школ оценивают привлекательность профессий на интервале в 30 лет

Санкт-Петербурга) обнаружило поразительные и четкие результаты — пирамида привлекательных профессий у выпускников школ буквально перевернулась. По данным В. В. Водзинской (1964–1965 гг.), в предпочтениях школьников тридцать лет назад именно научные профессии «правили бал» — первые места занимали профессии научных работников в области физики, радиотехники, химии, математики, биологии (Водзинская, 1969). В 1995 году все эти профессии стали аутсайдерами (Саганенко и др. 1998).

Посмотрим на короткий список профессий, совпадающих в двух исследованиях. Изменения в предпочтениях выпускников школ (устанавливаем для каждой профессии по разнице ее мест в двух ранжированных рядах) можно выразительно представить диаграммой. Используются только сдвиги среди 24 рангов.

В диаграмме профессии ранжированы по изменению уровня их привлекательности у школьников — от тех, что оказались с максимальными потерями за 30 лет (физик, химик, математик, биолог), до наиболее привлекательных, получивших самые высокие оценки (бухгалтер, экономист, продавец и т. д.). Однако еще более выразительны данные, если оценивать потери-приобретения с учетом полной длины каждого списка. Больше всего потерял в профессиональных предпочтениях молодежи «физик» — с первого места в списке из 80 профессий в 1965 году он переместился на 49-е в списке из 55 профессий 1995 года, «химик» — с 6-го на 50-е, «математик» — с 4-го на 41-е, «биолог» — с 10-го на 48-е. Феерический скачок «вверх» совершили бывшие аутсайдеры предпочтений школьников: «экономист» с 61-го взлетел на 2-е место, «бухгалтер» — с 77-го на 14-е место, «продавец» — с 75-го на 27-е место.

Нами была предпринята попытка разобраться с профессиональными предпочтениями выпускников 2012 года в Санкт-Петербурге, однако мы оказались в большом замешательстве, обнаружив, что школьники в большинстве своем в современных условиях не имеют возможности сформировать четкую профессиональную и трудовую мотивацию и вынуждены принимать случайные решения в ситуации множественной неопределенности.

3. Болонский разворот

С 2003 года, с момента подписания Россией Болонской декларации, ситуация в управлении российским образованием резко меняется. Негативы отодвинуты на второй план, их остроту «верхи» перестали актуализировать. Стартовала принципиально новая риторика и активная переделка отечественного образования под зарубежные форматы. Существовавшая в 2005–2008 годах значительная оппозиция тотальным трансформациям, особая озабоченность в отношении потерь в российском научно-техническом образовании растворилась, сошла на нет. Остались только форумы в Интернете, отдельные острые публикации, озабоченность граждан и тревоги родителей.

В 2012 году переделки идут по всему фронту. Возражения не принимаются. Основное напряжение, пожалуй, вызывают такие программы, как переформатирование пятилетнего срока отечественной подготовки специалистов на две разрезанные и автономные части — бакалавриат и магистратуру, и переход на тотальное тестирование и прием в вузы «в темную» — по баллам ЕГЭ.

О стремительно снижающемся качестве образования, прежде всего за счет ЕГЭ, заявляют специалисты, аналитики, граждане. Однако «паровоз» преобразований упорно движется, заставляя все дальше «убирать в кладовки» отечественные наработки.

4. «Фундаментальная наука и будущее России»

Здесь мы остановимся на «Открытом письме Президенту и председателю Правительства Российской Федерации». Его подписали 215 российских ученых, работающих за рубежом в 23 странах (из них 86 % в 6 странах: США — 85 чел., Великобритания — 27, Германия — 28, Франция — 27, Канада — 11, Япония — 7). В письме, датированном 09.09.09 (Открытое письмо Президенту и Председателю Правительства Российской Федерации. URL: <http://www.rg.ru/2009/10/05/uchenye.html>), выражена глубокая озабоченность состоянием науки и образования в стране и сделаны конкретные предложения. (Первый вариант предложений ученых был отправлен на данный двойной адрес еще в июле 2008 года.) Письмо направлено Президенту (тогда это был Д. А. Медведев) и премьер-министру (в то время это был В. В. Путин).

Как нам представляется, и даты, и диагностика, и конкретные предложения весьма значимы — в последующем их отражение можно найти в макроинициативах, запущенных нашей властью. Позже поясним нашу гипотезу.

Итак, в части, посвященной диагностике состояния науки и образования, среди наиболее острых были названы следующие позиции:

- существенное отставание российской науки от науки мирового уровня;
- отсутствие стратегического планирования с постановкой ясных целей;
- неадекватность финансирования активно работающих ученых;
- резкое падение престижа научных профессий, связанная с этим проблема кадров;
- серьезное снижение стандартов в преподавании естественнонаучных дисциплин;
- ухудшение качества подготовки студентов и аспирантов.

В части, посвященной предложениям, названы следующие пункты:

- увеличение финансирования науки до уровня, адекватного стоящим перед страной задачам, обеспечение условий труда и быта ученых;
- идентификация важнейших направлений научно-технического прогресса и конкретных проектов;
- активное привлечение на территорию России крупнейших научно-технических проектов мирового масштаба;
- обеспечение абсолютной прозрачности финансовых потоков, достижимое в рамках международных проектов;
- кардинальное улучшение степени интегрированности российской науки в общемировую науку, ... обеспечение доступности конкурсов ... для зарубежных кандидатов;
- введение международных стандартов оценки качества научного труда, укрепление системы независимых научных грантов;
- создание Российского института высших исследований по образцу аналогичных институтов в США, Канаде, Японии;

— создание централизованной государственной программы работы со школьниками, популяризации и пропаганды научных знаний в стране.

По нашим оценкам, предложения ведущих ученых нашло отражение в следующих документах и инициативах.

5. «Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года»

Данный документ утвержден Правительством РФ, распоряжение № 1662-р, от 17 ноября 2008 года. Наша гипотеза состоит в том, что вариант предложений Открытого письма, направленный Президенту РФ и Правительству в июле 2008, и Открытое письмо от 09.09.2009 известных российских ученых выступили катализатором для повышения стратегической активности российской власти, и в недрах российской власти родилось несколько макроинициатив.

Итак, появился документ — Концепция долгосрочного развития Российской Федерации (Концепция долгосрочного развития Российской Федерации. URL: <http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/strategicPlanning/concept/index-docs>). Дается пояснение, что Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (далее — КДР-2020) разработана в соответствии с поручением Президента Российской Федерации по итогам заседания Государственного совета Российской Федерации, состоявшегося 21 июля 2006 года и утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 года № 1662-р.

Цели отечественного образования, обозначенные на перспективу 2020 года, включают следующее:

- формирование около 20 научно-образовательных центров мирового уровня;
- формирование инфраструктуры академической мобильности студентов и преподавателей;
- увеличение доли средств в доходах вузов за счет НИР и НИОКР (не менее 25 %);
- внедрение системы ежегодной поддержки до 100 организаций за программы непрерывного профессионального образования;
- резкое повышение качества образования в российских вузах с выходом их на первые позиции международных рейтингов;
- позиционирование России как одного из лидеров в области экспорта образовательных услуг;
- усиление позиций на мировом рынке образовательных услуг (доход от обучения иностранных студентов — не менее 10 % от бюджета вузов); и т. д. и т. п.

Как видим, часть заявляемых позиций на перспективу, отодвинутую на 12 лет в будущее, перекрывает «по размаху» предложения ученых. «Заявления» в Концепции сделаны «с большим запасом» — 20 мировых центров, первые позиции в мировых рейтингах высшей школы, стремительно возросшая востребованность российских НИР и НИОКР и их эффективность... Время, когда создавался этот документ, — 2008 год, тогда был временной запас в 12 лет. Однако мы «неожиданно» оказались уже в 2012 году, который в Концепции определен как первый ключевой этап, которому вменено предьявить массу (около 20) глобальных результатов. Некоторые из

задумок на 2012 год перекрывают по своим формулировкам даже результаты, назначенные на 2020 год (вроде какая-то несогласованность в документе).

Ключевые позиции 2012 года в Концепции

Потенциал заявленных в Концепции позиций можно уже протестировать, поскольку в ней был отдельно выделен промежуточный этап — 2012 год — и конкретизированы программные результаты. Приведем несколько позиций документа, для понимания характера и масштабов правительственных намерений:

— формирование сети научно-образовательных центров мирового уровня, интегрирующих передовые научные исследования и образовательные программы, решающих кадровые и исследовательские задачи общенациональных инновационных проектов;

— развитие интегрированных инновационных программ, решающих кадровые и исследовательские задачи развития инновационной экономики на основе интеграции образовательной, научной и производственной деятельности;

— введение новой системы оплаты труда на всех уровнях образования как основы для заключения эффективных контрактов.

Итого 18 глобальных пунктов такого рода.

Интересно было бы узнать, как предполагалось оценивать пункты, по которым были определены четкие количественные показатели. Например:

— создание программ прикладного бакалавриата (не менее чем по 15 % направлений подготовки), обеспечивающих современную квалификацию специалистов массовых профессий, наиболее востребованных в сфере инновационной экономики;

— повышение доли (не менее чем на 70 %) учащихся образовательных учреждений, которые обучаются в соответствии с требованиями современных стандартов;

— перевод *всех* учреждений общего образования и не менее 50 % учреждений профессионального образования на нормативное подушевое финансирование.

Как это — «обеспечивать современную подготовку специалистов», как это — «создать в 2012 году по 15 направлениям подготовки»? Для начала надо отметить, что эти положения программы на 2012 год — все еще предмет споров и дискуссий, и никакие из «нормативных высот» еще не взяты. Единственно, что определенно из этих позиций сделано / делается — так это тотальное *обновление* программ обучения — волей-неволей это происходит, если традиционный формат обучения («специалитет») закрывают, а бакалавриат и магистратуру вводят. Однако в какую сторону пошло это обновление — «в плюс» или «в минус» — еще нужно, как минимум, подождать, а во-вторых, научиться эти эффекты квалифицировать и измерять. Можно также отметить, что повсеместно в вузах созданы формализованные структуры по так называемому современному образовательному менеджменту, взятому из арсенала организационной деятельности зарубежных компаний без каких-либо модификаций, без учета профессиональной и образовательной специфики, без учета «местной специфики» (Саганенко, 2012).

6. Инноград «Сколково»

Речь идет о создании современного технологического центра по примеру Силиконовой долины в США. Википедия определяет этот строящийся инновационный центр как «современный научно-технологический комплекс по разработке

и коммерциализации новых технологий». Организованы в Сколково и две образовательные структуры: (1) Открытый университет (он не будет выдавать дипломы, а нацелен на развитие инновационных и предпринимательских компетенций) и (2) Сколковский институт науки и технологий — СИНТ (создается на базе сотрудничества с МТИ из США и руководить им будет профессор из МТИ). Предполагается, что СИНТ станет первым международным исследовательским университетом, способным в полной мере интегрировать бизнес и инновационную деятельность в образовательную программу и исследования. В планах иметь 1200 студентов, преподавание вести на английском языке.

Проект Сколково увешан массой серьезных критических оценок экспертов. Вот некоторые из них:

— *отсутствие спроса на инновации*. В условиях, когда в России отсутствует спрос на инновации, созданные в Сколково инновации не смогут вывести российскую экономику на инновационный путь развития;

— *незаинтересованность в фактических научных результатах*. Российские компании не озабочены покупкой и внедрением новых технологий;

— *непредставленность науки и научных школ*. Отмечается, что в Совете фонда фактически нет ученых, они выведены за рамки структуры в некий консультативный научный совет;

— *отмена местного самоуправления*. Особый правовой режим на территории. Население полностью отстраняется от контроля за мегаструктурой на своей собственной территории;

— *отсутствие критериев успеха*. Государством не выработаны объективные критерии успеха или провала проекта, отсутствуют публичные критерии или хотя бы контрольные показатели, деятельность проекта выведена из-под общественного контроля вообще.

В итоге можно констатировать создание некоей претенциозной неподконтрольной структуры, в деятельность и результаты которой никто не имеет возможности вникать (Саганенко, 2012: 267–274).

7. Российский феномен мегагрантов

Еще один показательный материал, способный пролить дополнительный свет на ситуацию с перспективами отечественного образования и науки. Речь идет о кампании «*Мегагранты*» — правительственная программа инновационного прорыва в российской науке и образовании за счет привлечения к краткосрочной работе в России иммигрировавших соотечественников и других ученых, программа запущена российским Правительством и Министерством образования и науки в 2010 году и может выступать еще одной «лакмусовой бумажкой» перспектив отечественной триады «наука—образование—производство». (Объявление об открытом публичном конкурсе на получение грантов Правительства России для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых в российских вузах // Министерство образования и науки Российской Федерации: Конкурсы. 2010-06-23. URL: [http:// old.mon.gov.ru/work/konk/7423.print/](http://old.mon.gov.ru/work/konk/7423.print/))

Вот лишь отдельные характеристики того, что мы имеем в этом интегральном мегапроекте. 23 июня 2010 года опубликовано объявление Минобрнауки РФ об открытом публичном конкурсе на получение грантов Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых в российских образовательных учреждениях высшего профессионального образования. Сразу оговорено их количество — 80 единиц (Саганенко, 2012: 267–274). Продолжительность конкурса — ровно 1 месяц со дня опубликования информации в СМИ. Собрать массу документов, провести массу переговоров и сдать абсолютно обоснованную заявку — за один месяц?! Удивительно, как удалось быстро и добротнo 40 номинантам разработать и утвердить документы, признанные достойными высокой награды.

В Постановлении Правительства определен и уникальный для российской науки размер выделяемого гранта — 150 млн руб. (или 5 млн долл.) — на реализацию единичного проекта в течение 2010–2012 годов с возможным продлением проведения научных исследований на срок от 1 до 2 лет (и, видимо, дополнительной денежной поддержкой). Для сравнения отметим, что даже Нобелевская премия по физике за уже состоявшееся и признанное в мире достижение (!) составляет сейчас около 1,2 млн долл. А здесь покруче — 5 млн долл. — пока только за спешно, в течение одного месяца, обозначенные на бумаге перспективы.

Продолжим выявление парадоксальных моментов этой правительственной мегаинициативы. Всего один месяц (!) — на получение информации о конкурсе, на изучение жанра и условий конкурса, на поиск университета-заявителя или, наоборот, именитого ученого, а также партнеров, формулирование и согласование предмета и форм договоренностей, прояснение содержательного, организационного и финансового формата проекта и его финального оформления. И что не менее важное и архитрудоемкое в такой процедуре — сбор надлежащей массы документов, согласования и получения подписей. Заметим, что эта неожиданная весть появляется летом, в самый интенсивный период отпусков.

Много раз на Интернетe упоминался некий внушительный и вгоняющий в стопор список документов, который должен сопровождать сдачу заявки. Нам, однако, не удалось найти его на сайте Минобрнауки (так что пока нам остается полагаться на мнения номинантов, которые неоднократно отмечали особую трудность с обеспечением всех документальных приложений к заявке).

Удивительно и то, что стартовой датой реализации конкурсного проекта было названо 1 ноября 2010 г. и 2010 г. уже определен грантовым и отчетным. На остаток года в два месяца установлено потратить четверть суммы в 3 млрд руб. (или по отдельному гранту — около 35 млн руб.) и каждому руководителю следует отчитаться. Случай сумасшедшей гонки одного из руководителей «по закрытию» бюджетной позиции своего гранта за 2010 г. промелькнул на Интернетe.

Неудивительно, что вместо 80 награжденных номинантов на получение гранта Конкурсной комиссией определена в качестве заявок, достойных объявленных призов, только половина, следующая половина грантов будет присуждена фактически через год. В российских условиях при реализации любого вида деятельности (а здесь речь идет о глобальном международном проекте), как правило, примерно половина первого года уходит исключительно только на то, чтобы финансово-организационная российская «телега» начала двигаться.

Парадоксально и то, что потребовалось уже в постановлении Правительства вписать конкретный пункт о создаваемой под грант команды — в нем определен обязательный «минимум человеческого капитала»: предусмотреть в научном коллективе 2 кандидатов наук, 3 аспирантов и 3 студентов. Парадоксально, что на вознаграждение ведущему ученому сотруднику и его команде в проекте можно положить до 60 % размера мегагранта (то есть 3 млн долл. или 90 млн руб. только на зарплату, что при оговоренном минимуме команды в 9 человек зарплата может составлять 10 млн руб. в среднем на каждого исполнителя, включая студента). Обычно конкурсные положения наших основных российских фондов (РГНФ и РФФИ) определяют зарплату до 50 % и выделяют на год 350–600 тыс. руб., что при команде в 10 участников проекта обеспечивает зарплату исполнителю в среднем до 30 тыс. руб. в год. Конечно, это вопиющая несправедливость — ведь и в тех и других проектах речь идет о тех же самых аспирантах и студентах.

Парадоксально, наконец, и то, что указанным в Постановлении № 220 обязательным условием результативности проекта должна быть публикация, причем оговаривается, что это должна быть именно *статья* (не книга, брошюра, монография или серия статей, а именно статья) или подача заявки на патент.

Хотелось бы последовательно проанализировать основные аспекты с реализацией мегапроектов, но не удалось обнаружить систематических адресов в Интернете, где можно было бы «из одного окна» получить материал и проследить судьбу проектов. Не удалось найти даже список тематики поддержанных проектов. Прошло два года, и можно было бы уже знакомиться с результирующими публикациями, но не получается. Отсутствие системного портала по мегакампании вынуждает тратить массу времени на поиск релевантной информации. Результаты поиска дают весьма разношерстный и «кусочный» материал. В ряде случаев обнаруживались короткие объявления о создании неких лабораторий, но ничего не сообщалось об их сути, организационных форматах, их инновационном характере.

Перспективы продолжения мегапроектов. Мнений по этому поводу много. Вот, в частности, высказывание грантее Ольги Виноградовой: «Наивно думать, что за 2 года и 5 миллионов долларов научные мегазвезды вырастут вокруг приглашенного ученого, как грибы. Если бы все было так просто!» (Саганенко, 2012: 267–274). Другое суждение: «На бумаге конкурсы Минобрнауки часто выглядят замечательно, но на практике подготовка проекта требует заполнения большого количества совершенно бессмысленных форм. Не обошлось без этого и сейчас, хотя, безусловно, позитивным изменением стало требование предоставления содержательного научного проекта. Что касается форм, то и на этот раз там много глупостей, не имеющих никакого отношения к качеству заявки, но радует то, что есть и действительно важная информация об исследователе и университете... Другой вопрос, как эта информация будет оцениваться — ведь любую хорошую идею можно довести до абсурда...» (Саганенко, 2012: 267–274).

Подводя итоги, можно отметить, что мегапроекты, во-первых, являются весьма примечательным свидетельством представлений Правительства о расстановке сил на мировой арене, приоритетных направлениях глобализации и развития науки, во-вторых, мегапроект — интересная материя с точки зрения эмпирической социологии, это особый макрообъект для многопланового исследования.

Остается принципиально важный вопрос: продвинутся ли сколько-нибудь ощутимо наука и образование в России за счет двух мегакампаний — Сколково и мегагрантов. Но вопрос этот риторический: ведь никто же в стране не ждет, что Олимпиада в Сочи поднимет уровень спортивности и здоровья российского населения. В возможностях ощутимого сдвига в науке и образовании я лично сомневаюсь, это ведь эффект множества факторов. Дополнительные ресурсы, которые получают к уже существующим элитные вузы, погоды не сделают. Индивидуальные профиты, несомненно, будут возможны. Наверное, еще часть наших исследователей найдет работу за рубежом и покинет эмпирии отечественной науки.

Прорывы, в сферах общественной жизни, как мы полагаем, могут прийти только как результат систематической и долговременной работы, а не броских, плохо обчисленных кампаний.

8. Наука и образование в стартовых заявлениях Президента

В контексте рассмотренных заявлений и перспектив следует обратить внимание на положения инициатив Президента. При вступлении в должность 7 мая 2012 года Президент РФ В. Путин подписал около 20 указов, касающихся основных сфер жизни общества, в том числе Указ «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки» (URL: <http://www.kremlin.ru/acts/15236>).

В Указе следует отметить положения, касающиеся вузов и высшего образования. Так три пункта затрагивают элитное образование:

— добиться вхождения 5 российских университетов в мировую сотню ведущих вузов (правда, осознается, что такую серьезную задачу нельзя решить наскоком, тем более на бумаге, поэтому взятие цели отодвинуто почти на десять лет в будущее — к 2020 году);

— развитие ведущих университетов (утверждение плана мероприятий);

— повышение нормативов их финансирования, выделение средств для развития в них науки (уравняв их в статусе с ведущими научными российскими фондами) — за счет проведения конкурсов.

Что до иных (не элитных) вузов, то именно их будет касаться подушевое финансирование. И что особенно важно — предлагается провести до конца 2012 года оценку (с нашей точки зрения, оценку оперативную) эффективности их деятельности и внести предложения по реорганизации неэффективных государственных образовательных учреждений, и как-то обеспечить доучивание студентов из «реорганизуемых» вузов. Не прошло и трех месяцев, как некая «палата мер и весов» уже провела замеры и докладывает о результатах измерения эффективности по несопоставимым и нигде не обсужденным показателям и 134 вузам выставляет жирный минус. Тем самым будущее таких вузов становится неопределенным.

Следует также отметить пункт Указа о необходимости профессионально-общественной аккредитации образовательных программ, отмечающий «в первую очередь по направлениям ... в области экономики, юриспруденции, управления и социологии». Можно догадаться, что эти специальности оцениваются как «избыточные» в стране и, тем самым, в значительной степени, продуцирующие

неэффективную подготовку. Что касается первых двух, то нарекания в их адрес на слуху уже несколько последних лет, но вот и наша социология — тоже оказалась под «властным прицелом». Обратимся к положениям Указа, касающимся науки:

— увеличение объемов финансирования государственных научных фондов, к 2018 году увеличить их общий объем до 25 млрд руб., утверждение программы фундаментальных научных исследований в РФ на долгосрочный период (декабрь 2012 года);

— увеличение к 2015 году внутренних затрат на исследования и разработки до 1,77 % ВВП;

— увеличение к 2015 году доли публикаций российских исследователей в общем количестве публикаций в мировых научных журналах, индексируемых в базе данных «Сеть науки» (WEB of Science), до 2,44 %.

Вот и все. Три разные темы: о дифференциации вузов и увеличении финансирования элитных вузов, об оценке эффективности других вузов и их реорганизации, о необходимости публиковаться за рубежом...

9. Совет при Президенте РФ по науке и образованию: кардинальные предложения

29 октября 2012 года состоялось первое заседание Совета при Президенте Российской Федерации по науке и образованию, которое провел В. В. Путин. На заседании выступили В. В. Путин, А. Дынкин, С. Лукьянов, Т. Черниговская, О. Хархордин, Н. Кропачев, А. Адрианов, В. Садовничий, Е. Каблов, М. Пиотровский, М. Ковальчук, Д. Ливанов, А. Фурсенко. (Владимир Путин провел заседание Совета при Президенте Российской Федерации по науке и образованию/ URL: (<http://минобрнауки.рф/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/2757>). Можно считать, что в данном случае мы видим не часто предоставляемую ученым возможность выступать с предложениями.

У самого Путина основной темой выступления была проблема финансирования науки, предлагались некоторые новые постановки. В частности, переход на принцип многоканального финансирования научных исследований: привлечение средств не только государственного бюджета, но и внебюджетных источников, бизнеса, частных компаний; было обращено внимание на то, что нужно разделять вопросы финансирования инфраструктуры и непосредственно самой научной деятельности.

В. В. Путин и другие выступающие чаще всего затрагивали проблему грантов. Предполагается, что будут существенные изменения финансирования серьезных проектов: будут увеличены и продолжительность финансирования проектов, и выделяемые суммы. Будет предложена определенная диверсификация форм грантовой поддержки.

Проблема образования не затрагивалась. Прозвучала важная новая идея — создание на средства грантов лабораторий, что дало бы возможность включать молодых ученых и аспирантов в длительную работу.

10. Общеузовская и внутривузовская политика

Стратегическое развитие отечественного высшего образования определено фактом включения России в Болонский процесс и стремлением следовать «букве» болонских деклараций. Среди этих обязательств наиболее острыми представляются два основных — переход на двухуровневое образование и так называемый менеджмент управления образованием, контроль качества. Первое представляет собой обязательное введение бакалавриата (3–4 года) и магистратуры (1–2 года), и как итог — повсеместная ликвидация отечественного пятилетнего формата обучения. Введение Болонской системы также предполагает следующие обязательства: введение кредитной системы; контроль качества образования; расширение мобильности; обеспечение трудоустройства выпускников; обеспечение привлекательности европейской системы образования.

Отечественная власть в системе управления образованием взялась активно вводить две инновации — двухуровневое образование и менеджмент качества. Поясним эти организационные системы. Переход на двухступенчатую систему высшего профессионального образования требует «перелицензирования» всех высших учебных заведений, выработки новых критериев реализации бакалаврских и магистерских программ, определения необходимого объема подготовки магистров. Огромная работа развернулась вокруг так называемого менеджмента системы управления качеством образования. Эта система — прямая калька с зарубежной разработки ISO 9001. Последняя продвинутая версия была сделана в 2005 году, ожидается, что скоро за рубежом утвердят следующую версию. «Менеджмент качества в вузе» — огромная бюрократическая деятельность, развернутая «добровольно» или вмененная вузам сверху.

Итак, основная деятельность в вузах в настоящее время связана с нормотворческой деятельностью и стандартизацией — в рамках теории менеджмента управления качеством, взятым буква к букве из зарубежной разработки для производственных процессов.

11. Образовательная тематика «в годовом измерении»

Для пояснения ситуации в вузах мы воспользуемся контент-анализом годового списка публикаций журнала «Высшее образование в России» (Саганенко, 2012).

Вот некоторые из наших основных выводов. В публикациях дан анализ множества аспектов именно вузовской жизни, а не системы российского высшего образования в целом — общие коллизии российского высшего образования в статьях почти не затрагиваются и не оцениваются.

Основная проблематика так или иначе касается подготовки, обучения, преподавания в вузе. Идея обучения сопровождается перечислением значительного количества характеристик — компетентностное, проблемно-ориентированное, инновационное, контекстное, рефлексивное образование.

Много публикаций, посвященных качеству образования и менеджменту качества образования, носят сугубо общий характер, не привязываясь ни к содержанию, ни к форматам обучения, ни к конкретной дисциплине, ни к конкретному вузу.

Статьи, если судить только по их названиям, не носят проблемного характера как такового. Внятного анализа ситуации с целью выяснения лучшего — худшего, перспективного — неперспективного, эффективного — неэффективного не обнаружилось. Согласно констатирующему тону публикаций получается, что решаемы все внутренние проблемы образования в вузе.

Анализ на микроуровне, а именно — результаты наших рефлексивных опросов студентов, говорят существенно о другом — о неполучении специальности, неудовлетворительности практики, неполучении прикладных навыков, низкой привлекательности перспектив работы в отечестве.

Отсутствуют значимые попытки выстроить решения проблем высшего образования в индивидуальной и общественной динамике: школа — вуз — работа. Отсутствуют значимые попытки увязать компоненты во временной динамике: тогда — сейчас — в ближайшем будущем — в более отдаленной перспективе. Не обозначены идеи сопоставления «глобальных партнеров»: высшее образование — наука — бизнес — производство — общество.

Обнаруживается своего рода «самодостаточность» вузов как возможность для них не вникать во внешний общественный контекст. Это можно объяснить, видимо, тем, что статьи чаще публикуются сотрудниками продвинутых вузов, получивших определенное «место под солнцем», что позволяет им чувствовать себя вполне уверенно на учебно-профессиональном поле.

Судя по названиям статей, собственных проблем в вузах нет — нет проблем обучения, нет проблемы с развитием науки, нет проблем практики и связи с производством... Все успешно решается — идет усиленная подготовка «компетенций». «Компетенции» — это такой золотой ключик, который ныне «открывает все двери» классного обучения.

Боюсь, что в современной кампании за мировое качество образования по отечественным лекалам не за горами тот момент, когда будет дана четкая установка — не замечать «пятна на образовательном солнце» в родном отечестве.

Литература

Зиятдинова Ф. Г. Образование и наука в трансформирующемся обществе // Социологические исследования. 1998. № 11. С. 66–72.

Высшее образование в России: правила и реальность / отв. ред. С. В. Шишкин. М.: НИСР, 2004; Доступность высшего образования в России / отв. ред. С. В. Шишкин. М.: НИСР, 2004.

Водзинская В. В. О социальной обусловленности выбора профессии // Социальные проблемы труда и производства: Советско-польское сравнительное исследование. Москва–Варшава, 1969.

Саганенко Г.И., Гаврилушкина Т.В., Филиппов А.И., Шахбазова Н. Престиж научных профессий у молодежи // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. Выпуск X. Материалы VI сессии Международной школы социологии науки и техники. Санкт-Петербург 1996. С 230–236.

Открытое письмо Президенту и Председателю Правительства Российской Федерации. URL: <http://www.rg.ru/2009/10/05/uchenye.html>

Концепция долгосрочного развития Российской Федерации. URL: <http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/strategicPlanning/concept/indexdocs>

Саганенко Г. И. Изучение образовательной сферы на макроуровне (результаты одного контент-анализа) // Высшее образование в России. 2012. № 8.

Саганенко Г. И. Инновационные мегапроекты как явление «глокализации»: Сколково и мегапроекты в фокусе анализа // Геополитика: Теория, История, Практика. Труды 1-й Международной научно-практической конференции. Москва, 24 апреля 2012 г. С. 267–274.

Объявление об открытом публичном конкурсе на получение грантов Правительства России для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых в российских вузах // Министерство образования и науки Российской Федерации: Конкурсы. 2010-06-23. URL: <http://old.mon.gov.ru/work/konk/7423.print/>

Указ «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/15236>

Владимир Путин провел заседание Совета при Президенте Российской Федерации по науке и образованию. URL: <http://минобрнауки.рф/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/2757>

Системы управления качеством образования в вузах. URL: <http://tomanage.ru/library/articles/quality-management/qms-education/>

Разработка образовательного стандарта подготовки бакалавров НИТУ «МИСиС». Выездная аналитико-проектировочная сессия для разработчиков образовательных стандартов и программ НИТУ «МИСиС», 26–29 января 2011. Подмосковье URL: <http://www.misis.ru/ru/6614>

(Окончание статьи в следующем номере. Будут рассмотрены эмпирические результаты экспертизы российского технического образования, проведенной студентами.)